

**МАРКАР
МЕЛКОНЯН**

АНТИ- ГЕНОЦИД

**АРМЯНСКАЯ
СЕКРЕТНАЯ
АРМИЯ
ПРОТИВ
ТУРЦИИ**

Против течения

Маркар Мелконян

**Антигеноцид. Армянская
секретная армия против Турции**

«Алисторус»

2026

УДК 061.2
ББК 63.3(5)6-454

Мелконян М.

Антигеноцид. Армянская секретная армия против Турции /
М. Мелконян — «Алисторус», 2026 — (Против течения)

ISBN 978-5-00269-510-2

Армянская секретная армия освобождения Армении (АСАЛА) – легендарная партизанская организация, на протяжении многих лет боровшаяся за независимость армянских земель, оккупированных Турцией. Бойцы АСАЛЫ действовали в Турции, Ливане и Сирии, в Европе и Америке. Они нападали на турецких военных преступников, в том числе тех, кто участвовал в геноциде армян, уничтожали турецкие военные объекты, поднимали восстания. АСАЛА была тесно связана с Народным фронтом освобождения Палестины, Рабочей партией Курдистана, с многочисленными палестинскими и европейскими левыми партизанскими группами. В этой книге рассказано о пути этой организации – от подполья семидесятых до войны в Нагорном Карабахе.

УДК 061.2
ББК 63.3(5)6-454

ISBN 978-5-00269-510-2

© Мелконян М., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Маркар Мелконян
Антигеноцид
Армянская секретная армия против Турции

© Мелконян М., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава первая

Подполье

Когда мы нырнули в «Пежо», я мельком взглянул на Алека. Он был красивым молодым человеком с полумесяцем черных волос на лбу и улыбался мне с понимающим блеском в глазах. Мы молча сидели, пока он лавировал по заваленной мусором набережной Эль-Нахр, мимо музея, обложенного мешками с песком на Зеленой линии, мимо черного флага, развевающегося на минарете мечети Абдула Нассера, вниз по узкой боковой улице и в безнадежный лабиринт из шлакоблоков бедняцкого квартала Факани в Бейруте. Остановившись у каменной стены с надписью «Спать здесь», нанесенной арабской вязью поверх символа фалангистов, мы схватили наши немногочисленные сумки и перешли улицу перед пожарной станцией. Алек кивнул охранникам у входа в сырой вестибюль, и мы взбежали на шестой этаж, перешагивая через две ступеньки, чтобы прибыть запыхавшимися к двери, над перемычкой которой были наклеены два синих глаза в качестве оберега от зла. Дверь открывалась в узкую прихожую, ведущую в комнату, которая была пуста, если не считать нескольких предметов мебели, разбросанного огнестрельного оружия и фотографий мучеников Тайной армии на стене. Кто-то повесил резиновый скелет на одну из рамок. Тяжелая синяя дверь вела в другую комнату за кухонной зоной. Мы стали называть эту квартиру Седьмым этажом.

Через несколько минут Минас Оганян вбежал в дверь с портфелем под мышкой и сигаретой «Уинстон» в уголке своей кривой улыбки. Он поприветствовал нас, не вынимая сигареты, пошутил, открыл синюю дверь за кухней и исчез за большим столом, заваленным на фут высотой разноцветными паспортами, тиснильными штампами и официальными бумагами на разных языках. Порывшись в кабинете несколько минут, он вышел.

Когда дым от его «Уинстона» свернулся вопросительным знаком и рассеялся, меня осенило, что Седьмой этаж был не просто конспиративной квартирой, как мы предположили сначала, а на самом деле был ближайшим аналогом штаб-квартиры Тайной армии. Еще более разочаровывающим было осознание того, что Оганян – шутник, который, без сомнения, повесил резиновый скелет на фотографию, – был не низовым оперативником: это он был тем замаскированным представителем на совместной пресс-конференции Тайной армии и РПК в Сайде месяцем ранее, тот жилистый, который представился как Агоп Агопян. Он и был Тайной армией!

Настоящее имя Агопяна – вернее, его исходное имя – было Арутюн Такушян. Он родился в конце 1940-х годов в Мосуле, Ирак, одним из как минимум трех детей Мугирдича и Сирануш Такушян. Согласно агиографам Тайной армии, мальчик сбежал из дома в пятнадцать лет, а к шестнадцати годам вступил в небольшую палестинскую группу под названием «Абталь аль-Ауда» («Герои возвращения»), которая вскоре объединилась с Арабским националистическим движением доктора Джорджа Хабаша и еще несколькими мелкими группировками, образовав Народный фронт освобождения Палестины (НФОП).

На периферии НФОП молодой Арутюн стал учеником своего самого важного наставника – Вади Хадада. «Гениальный террорист» Хадад создал в июле 1968 года «Отдел зарученных операций» НФОП, поставив себя во главе его. Из кабинета размером с чулан, оклеенного авиационными маршрутами, он тщательно спланировал нападение на аэропорт Цюриха в 1969 году, затем угон самолета на аэродроме Досона в Иордании в сентябре 1970 года, после чего последовали другие операции. И на протяжении всего этого времени Арутюн был рядом с ним, впитывая каждый урок как губка.

После резни, устроенной королем Хусейном, и изгнания палестинцев из Иордании в 1970 году Хадад и его ученик направились в Ливан. В конце концов ученик стал одним из

правой руки Хадада и участвовал в нескольких операциях, включая угон самолета в афинском аэропорту и захват посольства Японии в Кувейте 6 февраля 1974 года. К тому времени его новые знакомые знали его как Муджахеда («Святой воин»). В число этих новых знакомых входили боевик НФОП Лейла Халед, лидер японской Красной армии Фурая Юката и круглолицый молодой венесуэлец по имени Ильич Санчес Рамирес, более известный как «Карлос». В начале 1970-х годов НФОП отказался от угонов самолетов и объявил отдел зарубежных операций Хадада вне закона. Группа Хадада продолжала действовать самостоятельно до 1974 года, когда она самораспустилась из-за внутренних разногласий.

Примерно в то время, когда старик Яникян застрелил двух турок в Санта-Барбаре, Абу Ияд, один из основателей партизанского движения ФАТХ, спросил Агопяна, почему до сих пор никто не создал армянскую группу, подобную его собственной палестинской отколовшейся группировке «Черный сентябрь». Палестинцы искали союзников в Ливане, но помимо этого корыстного соображения Абу Ияд и другие палестинские лидеры искренне считали себя друзьями армян: два народа связывали узы страданий от рук османских турок, и в двадцатом веке оба были депортированы массами со своих исторических родин.

Позже Монте утверждал, что Агопян принял вызов Абу Ияда исключительно для того, чтобы удовлетворить свою жажду денег и власти. Поскольку Агопян не имел ни формального образования, ни профессиональной подготовки, открытие собственного базирующегося в Бейруте «революционного движения» могло показаться ему наилучшим путем к личному богатству и власти. Но эта версия событий игнорирует тот факт, что многие из столь же необразованных и менее ловких современников Агопяна преуспевали в профессиях, которые были значительно легче, безопаснее и прибыльнее, чем выбранная им карьерная стезя.

Первой задачей Агопяна было установить связи в армянской диаспоре, чтобы покрыть логистические расходы на первые операции своей группы по «вооруженной пропаганде». Он обратился к дашнакским боссам в Ливане за помощью, излагая свое предложение на иракском арабском, смешанном с палестинским просторечием и ломаным армянским (он учился в армянской начальной школе в Мосуле, но забыл большую часть языка из-за неиспользования). Боссы встретили его предложение с таким же отсутствием энтузиазма, какое они позже проявили к идее Монте о колхозе, и Агопян быстро понял бесполезность дальнейших уговоров.

Агопян, бросивший школу, питал глубокое, но беспокойное уважение к «интеллектуалам», и когда он оказался в окружении образованных и красноречивых арабских боевиков, его неуверенность возросла. Возможно, по этой причине, а также из-за необходимости установить контакты с донорами, он обратился к Кеворку Аджемяну, писателю средних лет, владельцу книжного магазина и пламенному националисту. Агопян, обладавший жутко точным чутьем на людей, сразу понял, что Аджемян жаждет признания. Аджемян, со своей стороны, увидел в Агопяне человека действия, способного воплотить идеи – в данном случае, собственные идеи Аджемяна – в жизнь.

Они убедили нескольких местных бизнесменов предоставить стартовый капитал для группы. Теперь, когда у Человека действия и Интеллектуала появились спонсоры, им нужны были рядовые бойцы. Аджемян познакомил Агопяна с несколькими молодыми людьми, среди которых был высокий, красивый, но бледный шестнадцатилетний юноша по имени Агоп Даракджян. Вскоре после их первой встречи Агопян и Даракджян осуществили первую акцию группы – взрыв в офисах Всемирного совета церквей в Западном Бейруте 20 января 1975 года. В коммюнике делалась попытка обосновать эту неожиданную цель: способствуя эмиграции армян с Ближнего Востока и их ассимиляции на Западе, Совет, мол, был причастен к «белому геноциду», который уничтожит старейшие и сильнейшие армянские общины диаспоры. Поначалу Агопян думал взять на себя ответственность за это нападение от имени «Группы Кюркена Яникяна», но позже он предпочел грандиозное конспиративное название «Армянская тайная армия». Следующие четыре нападения – все взрывы против турецких дипломатических и част-

ных интересов в Бейруте – были совершены от имени АТА, но вскоре после этого Аджемян убедил Агопяна изменить название группы, чтобы подчеркнуть ее провозглашенную цель – освобождение армянских земель в Турции. Итак, начиная со взрыва 7 августа 1975 года, повредившего автомобиль второго секретаря посольства Турции в Бейруте, коммюнике стали появляться под несуразной подписью «Армянская тайная армия освобождения Армении». Таким образом, одним названием Аджемян и Агопян умудрились объединить напыщенность и персеверацию.

Новости о нескольких взрывах, совершенных Тайной армией, привели в восторг молодежь Бурдж-Хамуда, которая с пеленок слышала патриотические баллады. С начала войны в Ливане они наблюдали, как их родители, словно мышки, выползали из подвалов после артиллерийских обстрелов, чтобы перебирать несгоревшие пепелища своих мечтаний о лавке. Теперь, спустя пятьдесят лет после того, как Техлирян, Ширакян и другие мстители былых времен сложили свои пистолеты, дашнакские заправилы беспокоились, что старые революционные баллады превратились в рекламу бессилия партии. Пытаясь остановить предсказуемое кровотечение из их Молодежной федерации в Тайную армию, партийное бюро тайно создало конкурирующую эскадрон убийц. И так случилось, что в октябре 1975 года – через два с половиной месяца после первой операции Тайной армии – «Коммандос правосудия геноцида армян» застрелили турецкого посла в Вене и выпустили по этому случаю собственное коммюнике. Через четыре месяца после этого, 16 февраля 1976 года, Агоп Даракджян выстрелил и убил Октара Чирита, первого секретаря посольства Турции в Бейруте, из пистолета с глушителем. Тем самым Тайная армия и Коммандос правосудия всерьез начали свое соревнование по количеству убитых дипломатов.

Вскоре «Коммандос правосудия» начали операции по убийствам и взрывам в Париже, Ватикане и Мадриде, унеся жизни ещё двух турецких послов, двух членов их семей и двух шофёров. Эти атаки обошлись ценой ухудшения отношений с западными покровителями партии «Дашнак» времён холодной войны, но при этом успокоили всё более беспокойных членов Молодежной федерации, показав, что партия не совсем забыла своё первоначальное предназначение как партизанской организации. Однако Агопян сумел обратить успехи соперников в пользу «Секретной армии»: едва узнав о нападении «Коммандос правосудия», он звонил в агентства новостей и брал ответственность на «Секретную армию».

Пока соперничество между «Секретной армией» и «Коммандос правосудия» накалялось, Агопян провёл год, оставаясь неузнанным, в арендованном доме в самом центре анклава «Дашнак» в Айнджаре. Его спокойная жизнь была прервана в конце 1976 года, когда агент КГБ изрешетил его «Фиат» из пистолета-пулемёта, ранив его двенадцатью пулями в шею и плечи. По всей видимости, нападение было частью межфракционного конфликта в одной из палестинских отколовшихся группировок, с которыми Агопян уже давно порвал. Он каким-то образом выжил, и Абу Ияд организовал ему лечение в Югославии.

В его отсутствие Даракджян полностью возглавил «Секретную армию». В это время к группе примкнуло около десятка «частичных» рекрутов. Тезуг, или «Карлик», специализировался на изготовлении самодельных детонаторов, а другой новобранец по имени Раффи был назначен составителем коммюнике, поскольку имел некоторое высшее образование. К тому времени Абу Ияд договорился о том, чтобы группа использовала квартиру на седьмом этаже в здании службы безопасности Народного фронта борьбы Палестины, напротив пожарной станции Фахани.

Вади Хаддад умер от рака в клинике Восточной Германии всего через несколько месяцев после планирования захвата самолёта Lufthansa в октябре 1977 года с посадкой в аэропорту Могадишо (Сомали). Тем временем в больнице в Югославии Агопян познакомился со своей будущей женой Марией Одак, сербской медсестрой из Загреба. У Марии была дочь Тоани,

отец которой, по её словам, был элегантным японским пилотом. После шестимесячного восстановления Акопян мать и дочь отправились с ним в западный Бейрут.

Во многом благодаря Акопу Даракджяну «Секретная армия» продолжала привлекать внимание прессы. С августа по октябрь 1978 года Даракджян путешествовал по Турции, оставляя за собой цепочку из шести или семи воронок от взрывов, включая одну в Анкаре у памятника Кемалю Ататюрку, основателю Турецкой Республики.

В 1979 году Акопян установил ряд важных контактов среди армян в Париже. Самым значительным из них был Ара Торанян, сооснователь и издатель радикального таблоида *Нау Баукаг*, который изначально печатался при содействии Жана-Поля Сартра в типографии журнала *Temps Modernes* в Париже. Акопян также связался с группой самопровозглашённых маоистов во Франции, которые брали на себя ответственность за свои взрывы под именем «Новая армянская сопротивляемость». Среди прочих «пиротехнических» акций они взорвали Советское информационное бюро в Париже и офис «Аэрофлота» в Брюсселе.

Пресс-конференция 6 апреля 1980 года в Сайде, на которой «Секретная армия» и курды из РПК пообещали объединить усилия против Анкары, ещё сильнее разожгла воображение молодых армян, уставших от пустых разговоров старшего поколения. К середине 1980 года Акопян был готов расширить операции. Но для этого ему требовалось набрать группу «постоянных» членов. Поскольку у Монте не было близких родственников в зоне досягаемости фалангистов или «Дашнак», и он уже проявил себя как боец милиции, он стал идеальным кандидатом для вербовки.

За несколько месяцев до вступления в «Секретную армию» Монте «уже догадывался, что ASALA часто лжёт в своих коммюнике и брошюрах», как он писал в своих мемуарах 1990 года «Самокритика». «Но в каком-то смысле, – писал он, – я хотел убедить себя, что за этими действиями стоят настоящие армянские революционеры». Если за убийствами и пресс-конференциями и стояли революционеры, то их было не больше дюжины. И это едва ли можно было назвать армией, секретной или нет. Попытка построить движение из этой «кустарной операции», как позже выразился Монте, означала бы начинать практически с нуля.

Скромная численность «Секретной армии» разочаровывала не меньше, чем тревожили странные детали вроде резинового скелета. Такие мелочи, как этот скелет и наклейки «сглаза» над входом на седьмой этаж, придавали месту атмосферу подросткового клуба. И когда Акопян открывал рот, он мало что делал, чтобы развеять это впечатление. Когда Монте спросил, зачем он прикрепил скелет к рамке фотографии, Акопян с кривой улыбкой прорычал: «Вот так мы все и закончим». Фраза, достойная злодея из спагетти-вестерна, но совершенно недостойная революционного лидера. Позже Акопян признал, что его цель заключалась не в освобождении Армении, а лишь в том, чтобы «шум поднять» (*tsayn hanel*).

Тем не менее Монте видел преимущество в том, что у «Секретной армии» не было чётких политических целей. Именно из-за своей неоформленности группа могла быть легче преобразована им и его единомышленниками в настоящую революционную организацию. Даже её нелепое название его не смущало: «Ничего страшного, – пожал он плечами, – потом поменяем».

Сделав шаг в неизвестность, он передал Акопяну свой паспорт и оружие и составил завещание, завещав «Секретной армии» все свои 800 долларов. Когда Акопян запер паспорт и деньги в большом зелёном сейфе в своём кабинете, Монте отказался от плана посетить Советскую Армению в середине июня – или вообще в ближайшее время. Пройдёт более десяти долгих лет, прежде чем он впервые ступит на армянскую землю.

Монте пролистал свою записную книжку в поисках контактов, которые могли бы пригодиться в новой деятельности. Среди них была некая Синди А., уроженка Фресно и «хороший человек», с которой он познакомился в Беркли. Подразумевая, что его высокая оценка девушки имеет романтический оттенок, Алек в шутку начал называть его Абу Синди – «отец

Синди». Акопян тоже подхватил это прозвище, и, к раздражению Монте, оно прижилось, позже появляясь в удостоверениях личности, полицейских отчётах и публикациях как «Абу Синди».

Дэвид решил, что пора завершить своё восьмимесячное пребывание, и вернулся в США. Для Монте же дороги назад не было. Акопян начал готовить его и Алека как своих преемников на случай своей гибели. Он водил их по офисам в Фахани, знакомя с личными контактами, включая председателя ООП Ясира Арафата и генерального секретаря НФОП Джорджа Хабаша. Встреча с доктором Хабашем подтвердила давнее восхищение Монте. Палестинцы организовали для Монте, Алека и других новобранцев «Секретной армии» специальную подготовку по обращению с оружием. Иногда Акопян сам сопровождал их на стрельбище и контролировал занятия. Однажды он приказал Монте и Алеку встать на колени лицом друг к другу на расстоянии около тридцати сантиметров, после чего опустил свой револьвер³⁸ и начал стрелять между их носами, пока они не перестали моргать.

Во время другой тренировки на стрельбище ФАТХ неподалёку от лагеря беженцев Шатила к ним неожиданно присоединился высокий тевтонец с австрийской снайперской винтовкой, оснащённой камерой Polaroid, фиксировавшей попадание через прицел. Блондин с оружием был редкостью в палестинском лагере, и Монте решил, что тот принадлежит к «Фракции Красной армии» или «Революционным ячейкам», либо к какой-то другой немецкой «фронтальной организации». Тевтонец представился по-английски как «Хелл». Странное прозвище. Палестинские бойцы обычно брали имена вроде «Свобода», «Борьба», «Возвращение», но такого Монте раньше не слышал.

Монте и Алек сделали несколько выстрелов из винтовки Хелла. Даже в руках новичка она была поразительно точной на расстоянии в несколько сотен метров. Монте вслух удивлялся, как ему повезло выжить в прошлых столкновениях со снайперами.

В последующие недели Хелл время от времени заходил к Акопяну на седьмой этаж, и они сидели на диване в холле и болтали, словно домохозяйки. Хотя немец избегал разговоров о политике, однажды Акопян сказал ему на своём ломаном английском: «Мао Цзэдун говорил, что партизаны должны плавать среди масс, как рыба в море. А нам нужно плавать в деньгах!» Оба рассмеялись, но когда Монте услышал это, у него неприятно сжалось внутри.

У Хелла и Акопяна была и своя внутренняя шутка, которую Акопян обозначал словом «ханзир» – по-арабски «свинья». Он произносил это слово и улыбался своей кривой улыбкой. Лишь спустя месяцы Монте понял смысл этой «шутки». 26 сентября 1980 года на мюнхенском Октоберфесте произошёл взрыв, унесший жизни тринадцати человек и ранивший семьдесят два. Предполагаемый исполнитель, некий Гундольф Кёлер, погиб при взрыве. Эксперты описывали его как «баварского неонациста, не состоявшего ни в какой организации» и «одинокую волка». Однако, как понял Монте, Кёлер был сообщником Хелла и прибыл на Октоберфест с бомбой, которая, как ему сказали, должна была взорваться после его ухода. Таким образом, он был тем, что технически называется «свиньёй» – невольным носителем «свиньей бомбы». Он был khanzeer Хелла. И вовсе не товарищем из «фронтальной организации», а тем самым высоким дружелюбным тевтонцем с дорогой винтовкой оказался Удо Альбрехт – основатель небольшой группы Freikorps Adolf Hitler и соратник примерно четырёхсот маргиналов из базировавшейся в Баварии Wehrsportgruppe Hoffmann Карла Хайнца Андреаса Гоффмана. Как выразился Алек, Хелл был «очень опасным человеком».

Присутствие неонациста на базе ФАТХ привело Монте в ярость: разве его друзья не погибли, сражаясь против таких же фашистов, как товарищи Хелла, в Восточном Бейруте? Более того, Хелл был немецким фашистом – тем самым, против которых их отец и дяди сражались в годы своей молодости. Пули казались самым уместным способом общения с такими людьми.

К счастью для Хелла, бойня в Мюнхене раскрыла его, и он исчез прежде, чем Монте или кто-либо другой успел предпринять меры против него. Вскоре он снова всплыл, когда полиция

арестовала его в Западной Германии, но, притворившись, что ведёт их к тайнику с оружием у границы с Восточной Германией, он внезапно сорвался и перебежал на другую сторону. Там его задержала восточногерманская полиция, но каким-то образом – по небрежности или по сговору – он снова ускользнул и ушёл ещё глубже в подполье.

Дружба Хелла с Акопяном породила у Монте новые сомнения в честности лидера «Секретной армии», но он старался подавить их. Времена были отчаянные, и он был готов довести до крайности лозунг бразильского партизана Карлоса Маригеллы: «Насилие прежде политики». Другие разделяли это настроение. «Мы обожаем слушать, как гремят эти взрывы», – говорил Монте изготовитель бомб Тезуг, показывая, как утрамбовывать гремучую ртуть в латунные трубки для детонаторов.

К тому времени, как я узнал о Хелле, у меня накопился целый список вопросов к брату. Но обсудить их было непросто: он жил в одном месте, я – в другом. Пока он работал в трущобах Фахани, я преподавал английский и спал на королевской кровати в пентхаусе в блестящем районе Хамра. Иногда мы встречались в Фахани или на территории Американского университета, обменивались парой слов – но никогда достаточно долго, чтобы спокойно поговорить.

Затем Монте начал пропадать на недели. В середине июля, примерно через два месяца после вступления в «Секретную армию», Акопян вручил ему поддельный иранский паспорт и авиабилет в Афины и небрежно велел найти там турецкую цель – любую – и атаковать её. Это были приказы для первой «зарубежной операции» Монте. После нескольких бесплодных дней, проведённых в прогулках мимо турецкого посольства и смене рубашек, он вернулся в Бейрут, чтобы доложить Акопяну о трудностях и спросить, что делать дальше. Тот, махнув рукой, сказал бросить гранату в офис Turkish Airlines и переходить к следующей операции. Монте покачал головой: он не собирался начинать карьеру «вооружённого пропагандиста» с такой халтуры. После двух разочаровывающих дней на Седьмом этаже он снова вылетел в Афины, решив, что отныне будет сам отвечать на свои вопросы.

Случайно в том же рейсе из Бейрута в Афины оказалась группа туристов из их родного города – «мировой столицы грецкого ореха». Одна из них, миссис Смит, была логопедом в начальной школе Монте пятнадцать лет назад и без особого успеха пыталась избавить его от шепелявости. Узнав своего бывшего ученика, она воскликнула: «Эй, смотрите все! Это же Монте!» Хлопки по плечу и «Ну как ты, Монте?» заполнили салон второго класса, пока начинающий политический убийца с иранским паспортом напряжённо придумывал, как объяснить землякам, что он делает на этом рейсе.

Вечером 31 июля, спустя несколько дней после возвращения Монте в Афины, автомобиль с дипломатическими номерами остановился у офиса Turkish Airlines – неподалёку от места, где он ждал. Сквозь затемнённые стёкла было видно четыре силуэта: двое спереди и двое сзади. Прошло уже две недели с его прибытия, а операция всё ещё не была проведена. Он подошёл к машине, поднял пистолет калибра 7,32 мм и выстрелил в водителя и пассажира на переднем сиденье. Затем развернулся и открыл огонь по фигурам сзади. Когда он уже уходил, молодой человек вылез с заднего сиденья, держась за рану, и бросился за ним. К погоне подключились прохожие.

Перебегая оживлённую улицу, Монте поскользнулся, и его часы Seiko со звоном упали на асфальт. Это был подарок японского друга, выгравировавшего его имя на механизме. Монте резко развернулся посреди дороги, ища часы среди зевак и сигнализирующих машин. Найдя их, он схватил их и снова рванул вперёд, проталкиваясь сквозь пешеходов, пока за ним бежали преследователи. Задышавшись, он добежал до вершины холма и в парке за ним окончательно оторвался от погони.

На следующий день из газеты он узнал, что убитым водителем был Галип Осман – административный атташе турецкого посольства в Афинах и агент турецкой разведки МІТ. «Отлично, минус один турецкий шпион», – подумал Монте. Но он был вовсе не рад узнать, что

раненым пассажиром оказалась жена Османа – Севиль. И был потрясён, узнав, что фигурами на заднем сиденье были его шестнадцатилетний сын и четырнадцатилетняя дочь. Дочь, Неслихан, умерла от ран, а её брат в присутствии журналистов поклялся, что, повзрослев, пойдёт по стопам отца в МПТ.

Когда позже Алек спросил Монте, зачем он стрелял в подростков на заднем сиденье, тот резко ответил: «Я не собирался оставлять свидетелей, которые могли бы меня опознать». «Во всяком случае, – писал он позже в странном отрывке, – затемнённые стёкла машины атташе мешали стрелявшему понять, кто есть кто. Если бы видимость была лучше (а стрелявший думал, что сзади находятся другие дипломаты), девочка, вероятно, осталась бы жива».

У Монте никогда не возникало сомнений, что отец девочки, турецкий атташе, был законной целью: он добровольно представлял режим, который продолжал оккупировать северный Кипр, арабский Искендерун, Курдистан и большую часть исторической Армении, уничтожая тысячи курдов, стирая с лица земли сотни их деревень и заключая в тюрьмы и подвергая пыткам профсоюзных лидеров, студентов и других граждан Турции. И, ко всему прочему, как выходило, атташе был «виновен» ещё и в том, что ездил в машине с затемнёнными стёклами, не «предоставив» своему убийце более ясную цель.

Когда я узнал, что мой брат направил пистолет на силуэт на заднем сиденье и застрелил четырнадцатилетнюю девочку, я не мог избавиться от мысли, что ему потребуется очень многое, чтобы искупить это. Со временем его сожаления стали менее поверхностными. Спустя пять лет он назвал это преступление контрпродуктивным и ничем не оправданным и на протяжении следующих тринадцати лет пытался предотвращать подобные жестокие поступки других. Это было его способом искупления. Но оно никогда не могло быть достаточным.

Когда Монте вернулся в Ливан из Греции, я заметил, что он утратил свою улыбку. Он присоединился к лагерю Народного фронта борьбы Палестины в пустыне к югу от долины Бекаа, неподалёку от деревни Янта. В первую ночь дежурства тысячи звёзд, ярче любых, что он видел раньше, заполнили небо до самого горизонта. Впервые за многие месяцы он провёл часы в тихих размышлениях, прерываемых лишь полосатой гиеной, чьё завывание в пустыне напоминало плач ребёнка. После изнурительных упражнений на рассвете он проводил день на плацу, на стрельбище, под колючей проволокой и огнём, кувyrкаясь вниз по склонам, усыпанным острыми камнями, чертополохом и колючками аканта.

Многие из обучающихся в лагере были shibl – «волчата», подростки. Некоторые из них буквально пробежали через пустыню и пересекли сирийскую границу неподалёку от лагеря, спасаясь от репрессий президента Сирии Хафеза Асада против «Братьев-мусульман» тем летом. Среди старших были арабы и армяне – в основном из Сирии, Ливана и Палестины. Были и шесть курдских бойцов из РПК Абдуллы Оджалана.

По ночам курды действительно видели сны о своей страдающей Родине, а проснувшись, сразу бежали на плац. Они с энтузиазмом рыли окопы и во время штурмовых упражнений кричали «Таура! Таура!» – «Революция!», вместо привычного «Аллах акбар!» – «Бог велик!». Срывая редкие айвы, они оставляли монеты у корня дерева, а когда друзья собирали оливки в соседнем саду, помогали им, забираясь на деревья с ведрами. Однажды, когда курд Сулейман разломил банан пополам и машинально дал товарищу Хассану меньшую часть, его товарищ по РПК Тержуман потребовал провести «круг критики и самокритики». Сулейман признал свою ошибку и торжественно поклялся больше так не поступать.

Когда первоначальное удивление прошло, неряшливые, ругающиеся и курящие арабы и армяне в лагере начали чувствовать неловкость рядом с воздержанными курдами, с их интернационалистскими песнями, ссылками на немецкую классическую философию и постоянной сосредоточенностью на революции. Но Монте это восхищало. «Эти ребята – как золото!» – восторгался он.

Их энтузиазм оказался заразительным. Один за другим курильщики стали отказываться от своих сигарет после утренних пробежек. Все товарищи мрачно собирались у радиоприёмника, слушая новости о военном перевороте в Турции 12 сентября 1980 года. Арабские новобранцы добровольно вызывались стрелять в турецких дипломатов. Вскоре все они уже маршировали плечом к плечу под солнцем, выкрикивая на арабском, курдском и армянском: «Возвращение на родину!», «Борьба до победы!» и «Мы – фedaины!».

В Янте Монте ощутил то редкое, почти электрическое состояние, которое возникает, когда живёшь и сражаешься ради общей цели. Слово «солидарность» здесь звучало слишком бледно, как будто пыталось описать бурю шёпотом. Самые простые действия – присесть вокруг блюда с чечевицей, ломать хлеб и передавать его друг другу, сдавать кровь, передавать шинель при смене караула – превращались в нечто вроде ежедневного ритуала, в котором не было ни эгоизма, ни показного альтруизма. Независимо от того, были ли их цели вообще достижимы, эти люди хотя бы на несколько дней или недель вырвались из вязкой посредственности лавочников и удушающего цинизма Бейрута. Именно так, по мнению Монте, и должно ощущаться революционное движение – борьба.

После этой возвышенной атмосферы лагеря под бескрайним пустынным небом возвращение на тесный, душный Седьмой этаж угнетало: там, казалось, никто, кроме Акопяна, толком не понимал, что происходит.

В конце лета вышел первый номер журнала «Секретной армии» под названием «Armenia», отпечатанный на глянцева́й бумаге в формате широкой газеты на типографии Народного фронта борьбы. Акопян давно считал, что группе необходимо издание, чтобы транслировать более «интеллектуальный» образ потенциальным сторонникам. На логотипе была изображена рука, сжимающая винтовку, наложенная на карту, отдалённо напоминавшую фантазийные границы Армении по Вудро Вильсону. Это было наглядным напоминанием о том, как символика насилия вытесняла трезвое обсуждение на Седьмом этаже.

Алек назвал первый номер «полным дерьмом», но Монте увидел в журнале драгоценную возможность для обмена идеями и повышения уровня дискуссии. Акопян имел привычку перебивать серьёзные разговоры язвительными шутками; для него всё это была лишь «болтовня». Теперь же у новобранцев появился форум, где можно было обсуждать цели, стратегии и собственный опыт. Хотя тираж журнала не превышал нескольких сотен экземпляров, Монте понимал, что читателей будет гораздо больше: в Ливане, Франции и Иране номера будут передаваться из рук в руки, обсуждаться, критиковаться – и требовать большей ясности. А это, в свою очередь, усиливало позиции тех немногих, кто мог эту ясность дать: Алека, самого Монте и их единомышленников.

Начиная со второго номера и в течение следующих трёх лет Монте жертвовал сном, работая над журналом ночами. Почти все его тексты выходили анонимно, а некоторые специально были написаны неловким, ломаным языком, будто переведены с другого языка. В одном из текстов он вкладывал в уста умершего отца такие слова сыну: «Я хочу, чтобы ты сохранил своё оружие. Я хочу, чтобы ты не торговался. Я хочу, чтобы ты был настоящим борцом».

Но, как бы ни был важен журнал, другие задачи требовали первоочередного внимания. В начале осени Акопян отправил Монте обратно в Европу с приказом взорвать турецкое консульство в Женеве и получить «пожертвование» от богатого иракско-ассирийца. Этот человек, Виктор Чайто, владел элитным ювелирным магазином в Женеве. Ливанский торговец оружием Саркис Соганалиан, сотрудничавший с ЦРУ, привлёк Чайто к поставкам оружия в поддержку войны Саддама Хусейна против Ирана. Монте взялся за задание с особым рвением: он ненавидел торговцев оружием, презирал Саддама и сочувствовал Ирану в оборонительной войне. После провала в Афинах он был полон решимости действовать лучше.

В Женеве он встретился с Алеком, и они следили за Чайто так пристально, что знали даже песни, которые тот пел в душе. Но однажды Монте буквально столкнулся на улице со знакомым

из Бурдж-Хамуда. Гирайр, один из телохранителей Чайто, с широкой улыбкой воскликнул: «Эй, Монте!» – и тем самым раскрыл его.

Монте тут же сел на поезд в Ньоне и направился в Италию. Вскоре, ночью 3 октября, в Милане прогремели два взрыва: один в турецком магазине, другой – в офисе издательства Mondadori. Оба взрыва были его работой. Взрыв у Mondadori был предупреждением редакции журнала Рапогата, нарушившей договорённость с журналисткой Ритой Порена по поводу интервью с Акопяном. Позже Монте назвал эту акцию «анархистской и мафиозной».

В Милане никто не пострадал. Но Монте не знал, что в ту же ночь ещё один взрыв произошёл в Женеве – и там уже были жертвы. В 21:30, когда Алек склонился над столом в номере отеля Beau-Site, комнату озарила ослепительная вспышка. «Я ничего не вижу!» – закричал он Сюзи, находившейся рядом. Сквозь дым и запах горелой плоти она увидела его окровавленное лицо и культю вместо руки. Её саму ранили осколки, но тело Алека приняло на себя основной удар взрыва – он собирал небольшую бомбу из пластита.

После этого началась охота на Монте: его видели с Алеком незадолго до взрыва. Опасаясь, что ливанские спецслужбы могут задержать его брата для допроса, Акопян отправил своего брата Охана за мной. Когда он появился у моей двери 9 октября, я ещё не знал о взрыве, но по его тону понял – времени на вопросы нет. Я собрал вещи в простыню и спустился к его машине.

Я не видел брата несколько недель, и было странно, что он не улыбнулся при встрече.

– Что случилось? – спросил я.

– Тебе лучше сесть, – ответил Акопян.

Брат кивнул.

– В Женеве взорвалась бомба, – сказал Акопян. – Алек потерял глаза и руку. Он в тюрьме.

Ранее Алек и Монте договорились: если одного схватят, другой попытается его освободить. Монте уже начал действовать. В ночь на 8 октября, почти сразу после возвращения в Ливан, прогремели взрывы у швейцарского посольства в Бейруте, дома посла и машины первого секретаря. Я слышал их из своей квартиры и тогда недоумевал, зачем вообще кому-то атаковать Швейцарию. Теперь всё стало ясно: Монте готовился к следующему шагу. А мне, как решили он и Акопян, предстояло оставаться на Седьмом этаже, чтобы избежать возможного задержания.

Поскольку я должен был какое-то время оставаться у них, Акопян предложил мне вступить в «Секретную армию». Я отказался. Он резко раскритиковал меня при всех, назвав мою нерешительность ленью. Я вышел на балкон, и Монте последовал за мной. «Никогда не позволяй так с собой разговаривать», – сказал он, сверкая глазами. Теперь роли будто поменялись.

Мне было тяжело от того, что я добавляю ему проблем, пока он пытается вытащить Алека из тюрьмы. Не желая быть обузой, я решил исчезнуть: прошёл подготовку в лагере и отправился на юг, помогать защищать Ливан от израильских налётов. Сначала меня направили в лагерь у сирийской границы, затем – на передовую у горы Хермон.

Тем временем Монте уехал в Европу, чтобы «оказывать давление» на швейцарские власти. Ситуация была срочной: Ара Торанян сообщил, что есть шанс частично восстановить зрение Алека. Однако, по мнению Монте, швейцарцы намеренно не предоставляли лечение, чтобы лишить его возможности продолжать борьбу. Он считал, что чем быстрее удастся освободить Алека, тем выше шанс спасти хотя бы часть зрения.

Для Акопяна же арест Алека стал вопросом престижа и проверкой решимости организации. Вскоре витрины начали разлетаться на улицах Лондона, Парижа, Марселя, Женевы и Мадрида – у офисов Swissair и других «швейцарских интересов». В книге *A Critique of Armenian Armed Action* Монте перечисляет восемнадцать атак, совершённых от имени вымышленной группы «3 октября» с октября 1980 по февраль 1981 года. В результате пострадал двадцать один человек, четверо серьёзно. Но, поразительно, никто не погиб.

Поскольку Монте уже видели в Швейцарии, возвращаться туда было слишком опасно. Через итальянские связи он укрылся в конспиративной квартире «Красных бригад» в Риме и готовил новые удары по швейцарским целям в Италии. В укрытии он заодно учил итальянский. И вскоре в коммунике «Красных бригад» начали звучать армянские претензии к Анкаре.

Вернувшись из Европы, Монте помогал новобранцам составлять завещания и вновь посвятил себя группе, ради которой его ближайший товарищ пожертвовал зрением. Он стал пунктуальным, деловым, сосредоточенным. Больше не подпевал революционным песням, а когда арабские товарищи, разливая чай, спрашивали, сколько сахара ему нужно, бурчал: «Неважно». Уходил без привычных прощаний. Его прежние друзья только качали головами: их дружелюбный Монте превратился в молчаливого посыльного Акопяна.

Мне эти перемены тоже не нравились. Однажды ночью брат появился на базе Народного фронта борьбы и созвал собрание, пока я стоял в карауле. Когда я не пришёл, он прислал заменить меня арабского товарища, но я отказался: не хотел иметь ничего общего с Акопяном и Седьмым этажом. К тому же служба на юге Ливана казалась мне правильной и ясной: защищать страну от израильских налётов или погибнуть в этом – цель, которая не требовала оправданий.

Через несколько минут брат подошёл к посту с фонариком. И, глядя на него в темноте, я вдруг почувствовал тяжёлую безысходность. Меня преследовал один и тот же сон: я выбираю синюю дверь кабинета Акопяна и вижу брата – у него вместо правой руки культя. «Они отрезали», – говорит он виновато. Кто именно – непонятно. Потом из коридора начинается стрельба. Я падаю, стреляю в ответ, оборачиваюсь к Монте – он ещё жив, но движется как в замедленной съёмке, и половины лба у него нет. Пули продолжают врезаться в нас, пока мы корчимся в крови. И последняя мысль: «Мы умираем как собаки». Этот страх будет преследовать меня ещё тринадцать лет.

Закончив службу на юге, я хотел либо остаться ещё на один срок, либо работать с Махмудом Лабади из информационного офиса ООП. Но Акопян поставил условие: вступить в «Секретную армию» или покинуть Ливан. Монте пытался за меня заступиться – безуспешно.

В начале 1981 года я вернулся в США и передал через знакомых, что добрался благополучно. Я хотел хотя бы этим успокоить брата. Но Акопян не сообщил ему ничего. Несколько дней без новостей – и Монте всерьёз подумал, что меня могли убить. Он уже слышал, как Акопян угрожал по телефону брату Алека, так что подобное казалось вполне возможным. Когда наконец пришло подтверждение, он, конечно, вздохнул с облегчением, но сомнения уже пустили корни, словно червь в орехе. До этого он считал Акопяна заблудшим, но исправимым «революционным другом». Теперь же понял, как легко стать «ослом-мучеником». Он начал спать с пистолетом.

К тому времени Акопян пил по полбутылки виски в день, обычно по ночам. Сам в магазин не ходил – отправлял новобранцев, чтобы не попадаться на глаза мусульманским союзникам. Монте раздражало и то, что двое из них – худой Абу Махмуд и крепкий светловолосый Лулу – стали называть Акопяна «муаллим», «шеф».

После скорого суда швейцарские власти выслали Алека. Ливанский политик Захер аль-Хатиб помог организовать его возвращение через Бейрут 12 февраля 1981 года. Алек поселился в здании своей организации, и армянские газеты от Тегерана до Лос-Анджелеса писали: «Алек свободен!» Новобранцы потянулись на Седьмой этаж, и «Секретная армия» быстро выросла до десятков активных участников и тысяч сторонников по всему миру.

И всё же, как вскоре выяснили новички, это по-прежнему была организация одного человека. Все приказы исходили от Акопяна, все связи шли через него, и он никому не подчинялся. Журналисты писали о «членах Центрального комитета» в капюшонах – Миран Мираниян, Ваграм Ваграмян, Мурад Армянин – но за всеми этими масками скрывался один человек. Алек, Аджемян и Монте умоляли создать настоящий коллективный орган управления, но Ако-

пьян отказывался делиться властью. «Эта организация как проститутка, – сказал он однажды с кривой улыбкой. – Мужчины приходят и уходят, а мы остаёмся». Он говорил «мы», имея в виду только себя.

В январе 1981 года итальянцы через представителя ФАТХ предложили переговоры о «перемирии». Они готовы были поддержать признание геноцида армян Турцией в обмен на прекращение атак в Италии. Монте участвовал в переговорах в Бейруте. Он не хотел соглашаться, но предложил встречное условие: в знак доверия Италия должна обеспечить лечение глаз Алека. Через день после передачи этого условия Ясиром Арафатом итальянцы согласились. Уже через неделю Алек отправился в Италию. Но спустя десять дней врачи вынесли вердикт: нерв сетчатки необратимо повреждён. Он вернулся в Бейрут окончательно слепым.

Монте винил швейцарские власти в халатности, но ещё больше – Акопяна. Ведь именно он отправил Алека в Женеву ради мелкого вымогательства, поставив под удар лучшего человека в организации. Алек был образованным, уважаемым, умеющим говорить – полной противоположностью Акопяна. Теперь же, ослеплённый и ставший известным, он превратился в символ, которого водили на пресс-конференции и похороны. Его слава одновременно изолировала его.

И всё же популярность «Секретной армии» росла. 24 апреля 1981 года в Тегеране тысячи людей – мужчины, женщины, старики, студенты, даже дети – вышли к турецкому посольству с флагами и плакатами. Несмотря на охрану, они перелезли через забор, разбивали окна. Гвардейцы стреляли в воздух – это только усилило ярость. Когда пустили слезоточивый газ, протестующие поджигали листовки, чтобы рассеять его. Они сорвали флаг, сожгли его, а сотрудники посольства прятались внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.